

Сергей КусковИллюстрация **Сергея Дергачева**

Бункер

Вопреки обычаю, Канцлера похоронили сразу. Митрополит настаивал, чтобы на третий день — по-людски, а не по-басурмански. Директор санитарного ведомства возражал: пойдет запах — не выведешь, в бункере-то, а сколько еще сидеть? В итоге решили не ждать.

Похоронить покойника в бомбоубежище — проблема, но решилась она неожиданно просто. В дальнем служебном коридоре пол оказался не бетонным, а земляным: то ли так задумано, то ли строители, которых поджимали сроки, не положили плиты. Или украли. Два бойца из охраны лопатами выкопали в земляном полу могилу. Хотели поглубже, а вышло как всегда: в узком коридоре землю складывать некуда, и так-то едва развернулись около наваленной кучи.

Гроба тоже не было. По идее, запас гробов на объекте должен был предусмотреть проектировщик — если он не суеверен... Были на выбор два ящика. Один добротный, деревянный, вроде оружейного, со стальными застезками и проушинами для замка. К сожалению, по длине он не подходил даже для Канцлера, а если подогнуть покойнику ноги в коленях, то по высоте. Другой — оставшийся от строителей, скорее всего, в нем завозили что-то для отделки. Из хлипкой ДВП, но размер — самое то. Санитар настаивал на деревянном, а когда узнал, что ящик маловат, предложил укоротить покойника: ему-де все равно. Митрополит его одернул, и остановились на дэвэпэшном. Копать, правда, под него пришлось больше, но не митрополиту.

Засыпав могилу, устроили поминки в штабном отсеке, за большим столом для совещаний. Закусывали тем же, что ели каждый день, только спирта было море разлитое, и как-то очень быстро он ударял в голову. Санитар, в спирте разбирающийся лучше всех, пил меньше всех. Он подозревал, что смухлевали снабженцы и вместо кондиционного ректификата, равно пригодного и для промывки главной оптической оси, и для чистки контактов бесконтактных датчиков, и просто для приема внутрь, завезли дешевую синтетику. Впро-

чем, снабженцев тоже можно понять: кто бы подумал, что эти припасы вместе с бункером вообще когда-то понадобятся!

Под действием синтетики молоденькая вдова, прежде подавленно молчавшая, чуть разговорилась и, всхлипывая, жаловалась митрополиту, что вот, Миша был такой здоровый... не пил, не курил... у-шу... и не радиация, ведь спрятались же до того, как взорвалось, правда? Святого отца коробило это «Миша», сказанное о человеке, который для него был не иначе как Михаил Иванович; но служба есть служба, и он густым церковным баритоном утешал вдову, что все под Богом ходим, гладил ее то по руке, то по голове, задерживаясь чуть дольше, чем пристало священнослужителю, а через стол на него ревниво зыркал директор жандармского департамента. На вдову он имел свои виды, как и на освободившееся кресло.

А санитар думал про себя, что вот такого, здорового и непьющего, резкий переход от нормальной жизни к подземной убьет скорее и вернее, чем того, кто всю жизнь пьет, курит и бомжует по подвалам. Потом и его догнала синтетика, и он вместе со всеми орал: «Комбат наш батяня, батяня-комбат! За нами Россия, Москва и Арбат!» — и слеза бежала по щеке, потому что не было уже ни Арбата, ни Москвы, да и России, наверное, тоже. А главжандарм, самый выносливый из всех и потому самый трезвый, теперь так же зыркал на майора Стрельцова, командира батальона охраны. Тот вел себя скромно, на вдову не претендовал, на кресло вроде тоже; да майору и не по чину, чай, не военный министр (а еще и с этим перетереть — вот же где геморрой!), и вообще здесь оказался случайно: когда объявили тревогу, как раз его батальон нес службу, а то был бы на его месте совсем другой комбат. Однако у него одного в подчинении боеспособное подразделение. И этот намек: «батяня»!..

Через пару дней (или не дней, или не пару — часы давно у всех шли вразнобой) жандарма перехватил в коридоре военный министр:

- До могилки сходим? Дело есть.
- Обычай, да? — съязвил жандарм.
- Нет. Пошли, там объясню.

Жандарм полминуты колебался, потом пошел.

— Запах чувствуешь? — спросил военный министр, когда пришли на место.

— И за этим ты меня звал?! Да тут все воняет, мы только не замечаем! И от нас несет, и из толчка несет! Как в подводной лодке, каждый пук — навечно!

— Когда пойдет этот запах, ты в толчке спасаться будешь! Как спасатель тебе говорю. Вот что: наверх надо.

Жандарм посмотрел на бывшего спасателя с испугом.

— Там же радиация!

— Полгода прошло. Должна уже упасть. А тут через два месяца перемрет половина, а еще через два остальные и перед смертью обзавидуются тем, кто помер раньше. Ты знаешь, сколько в воздухе кислорода? — Жандарм помотал головой. — Восемнадцать процентов. И углекислый газ к полпроценту подходит.

— С чего это вдруг?

— Регенераторы не справляются. А скоро совсем сдохнут.

— Какого черта! — возмутился жандарм. — Да тут на год рассчитано! На администрацию, кабинет, парламент, да не на половину верхней палаты, а на обе! Плюс обслуга и охрана. Бюджет на замену выделяют регулярно, хозяйство твое — куда что ушло?

— Это не бюджет, а слезы. Восемь лет назад заменили, до меня еще. Поставили, что смогли купить; если б просто украли деньги, стояло б сейчас советское старье — с ним бы дольше протянули.

Жандарм сильно сомневался, что в самом деле протянули бы дольше; он вообще всегда и во всем сомневался (а служба такая — никому и ничему не верить!). Но промолчал. А военный министр вдруг сказал:

— Вот что: надо послать разведку.

— Ты на меня намекаешь? Так я не разведчик, а контрразведчик.

— Да нет, куда тебя в разведку! Найдем в охране пару чижиков, кого не жалко. Тут другой вопрос: надо бы им не через главный выход, а через какой-нибудь из запасных. Главный-то наверняка спекло в монолит, явно ж туда целили. А запасные могут быть завалены, а который завален меньше — вопрос. Видео, что ли, еще раз посмотреть?

Министр говорил о записи с камеры, установленной на телебашне: вспышка над городом и движение ударной волны по городским кварталам до того момента, как камеру снесло вместе с башней. И это была последняя информация, полученная с поверхности.

— Что там разберешь? — проворчал жандарм. — Снято издали, качество так себе... Слушай, здесь же должны быть какие-то планы, схемы? Может, лучше их посмотреть?

— Должны. У Стрельцова... Ха! Так у него, наверное, и человек есть, который в этом разбирается. А ну, пошли к Стрельцову!

— Пошли, — кивнул жандарм после секундного колебания, и они пошли.

Нашлись и планы, и человек в подчинении у майора. Не офицер, из вольнонаемного персонала, но какая разница? Инженер Малышев отвечал за коммуникации. Работал давно, устройство бункера знал прекрасно. Вместе с ним просмотрели видео: сначала в нормальном темпе, потом в замедленном, потом так медленно, как только можно.

После недолгой паузы инженер сказал:

— Честно говоря, не знаю, что делать. Ясно, завалов тем меньше, чем дальше от эпицентра, но конкретно — где, что и как завалило — здесь не увидишь. Это же только начальный момент разрушения... Есть другая идея. Тут под городом полно старых ходов, еще средневековых. Частью пересекаются с нашими коридорами, обычно эти места просто заложены кирпичом. И некоторые выходят в метро — там тоже практически свободный проход. Где деревянные щиты, а где вообще

две доски крест-накрест. А метро в центре глубокое, должно уцелеть, и выходов много.

Малышев взял со стола один из листов.

— Вот, например. Вот здесь наш кабельный тоннель задевает карстовую полость. Отгорожен кирпичной стеной. Через полость можно пролезть в ход тринадцатого века, а он уже выходит в тоннель метро, в одну из ниш. Где-то здесь, возле...

— Откуда вы знаете? — перебил жандарм.

— От сына.

— А кто у вас сын?

— Историк. Курсовую писал как раз по этим ходам.

— Так. Студент-историк имеет доступ к секретной информации... Где он сейчас? — Жандарм пристально посмотрел на Малышева. Тот смутился и после короткой паузы ответил:

— Здесь.

— Так. И на каком основании? И как его пропустила охрана?

— Никак, — резко ответил Малышев. — Я задержался на службе, он приехал забрать меня домой. Ждал у вертушки, с той стороны, я вышел, а тут тревога. Все побежали, и он побежал. Охрана, между прочим, первой драпала. И что, я должен был Пашке сказать: тебе сюда нельзя, иди под бомбы? — Теперь Малышев с вызовом смотрел на жандарма. Тот, разумеется, инженеру не верил (служба такая!), но смутился, отвел глаза на военного министра. А министр сказал:

— Ну вот и первый кандидат.

Паша, но почему именно тебя?!
— Скрипач не нужен. — Павел криво усмехнулся; хорошо, что темно, Леся не видит. — Леська, а кого? Отец хотел пойти — его не пустили, он здесь один разбирается в схемах. И хорошо, что не пустили! А я — гуманитарий, к тому же историк. Кому я тут нужен?

— Мне.

Было тихо, очень тихо. В бункере обычно так не бывает: все-таки не очень большое пространство, в котором заперто довольно много людей, пусть даже меньше половины тех, на кого рассчитано, — потому что остальным не сказали, что надо бежать спасаться... Везде люди, и негде остаться вдвоем; и тогда Леся, беспардонно пользуясь служебным положением, провела Пашку в самое укромное место бункера — в спальню канцлерской четы, у которой Леся работала горничной — и под землей, и в прежней, добункерной жизни. Место она получила, можно сказать, по протекции: ее отец служил у Канцлера шофером.

После смерти Канцлера вдова сюда почти не заходила, ночевать устраивалась в других местах. Вот и сейчас она была не здесь...

— Пашка, обещаю тебе, что вернешься! — Леся схватила его за руку.

— Леська, обещать-то не проблема. Проблема — вернуться. — Он замолчал, потом, после паузы, сказал:

— Леська, тебе, наверное, надо... в общем, даже если я вернусь, не стоит тебе со мной связываться.

Пальцы, сжимавшие его запястье, сразу ослабли; Леся спросила чужим голосом:

— Почему?

— Потому что я там схвачу дозу. Наверное, не смертельную, но если у нас будут дети... А будут, вряд ли целела какая-то промышленность, что фармацевтическая, что резиновая... В общем, стоит тебе поискать другого отца для своих детей.

Она снова сжала его руку, сильней, чем в первый раз, даже ногтями вцепилась, и резко сказала, почти крикнула:

— Не смей так говорить! — Потом ослабила пальцы и продолжила уже другим тоном: — Папа сказал, что пойдет с тобой.

— Олег Петрович?! Его-то кто послал?

— Никто. Сам вызвался. Сказал: ты — гуманитарий, второй должен разбираться в технике. Говоришь, скрипач не нужен — а кому нужен шофер? Тем более — его пассажир... того. — Она замолчала, потом отпустила его руку и тихо сказала: — Паша, мама и Маринка остались там. — Он не видел, но чувствовал, что она из последних сил старается не разреветься. — У меня теперь только папа и ты. Пожалуйста...

Она замолчала. Павел понял, что больше она ничего не скажет, просто не сможет.

— Я постараюсь, — сказал он. И добавил после секундной паузы: — Мы постараемся.

Пашка, ты всю дорогу впереди шел, теперь давай я. Там были твои ходы, ты их лучше знаешь, а тут не заблудимся. Не лезь вперед бабки в пекло. Мне зять нужен живой, а лучше здоровый.

— Да я и не лезу... Олег Петрович, шум слышите? Что это?

Оба прислушались. Они стояли и отдыхали стоя, потому что сесть было некуда, под ногами грязь и сырость; в защитном костюме пусть и не вымокнешь, но холод-то проберет. Ну хотя бы разогнуться, встать в полный рост — и то отдых. По кабельному тоннелю ползли на четвереньках, хорошо — кладку не пришлось самим ломать. Кладку ломали другие, пока их на скорую руку учили обращаться с полевым телефоном, замерять уровни радиации радиометром. Проверять воздух на отравляющие вещества — этому даже и учить не стали, только сунули инструкцию вместе с индикаторными трубками и войсковым прибором химической разведки. На всякий случай: вряд ли враг после ядерного удара нанес еще и химический, но положено — и положили.

Через карстовую полость тоже пришлось ползком. По подземному ходу уже не ползли, а шли, но пригнувшись: ход был низкий. И все время на подъеме, и груз немалый, одна катушка с кабелем сколько весит!

А потом, как и обещал Павел, ход вывел в другой коридор. Здесь можно было распрямиться, и потолок не земляной, а каменный. И они остановились отдохнуть...

— Где шум? — Олег Петрович прислушался. — Кто ж его знает? Ладно, пошли. Погоди, кабель чуток смотаю, надо слабину выбрать.

Он присел на корточки и начал крутить ручку. Кабель зашуршал, наматываясь на катушку, а потом раздался глухой удар, и их едва не сбил с ног толчок воздуха из хода, по которому они недавно прошли.

— Что это?!

— Похоже, обвал, — сказал Павел. Олег Петрович поднялся, осветил в ход фонариком. Павел схватил его за рукав: — Не ходите! Может еще обвалиться.

Шофер вернулся к катушке, снова стал крутить ручку, и после пары оборотов кабель натянулся.

— Засыпало. Надо бы связь проверить.

Подключили телефон. Связь, к счастью, была.

— Ладно. Разматываем, сколько хватит кабеля, потом отсюда свяжемся. Здесь вроде потолок надежный, не упадет. Радиацию проверял?

— В пределах фона.

— Пошли.

Вскоре кабель кончился. Катушку поставили боком на землю, на нее — телефон. Здесь снова услышали странный звук, напоминающий шум поезда в тоннеле, — оба так подумали, и оба промолчали, потому что этого не могло быть.

Ход круто пошел вверх; под ногами было что-то похожее на ступени, только осыпавшиеся от времени, — или им показалось. Идти было тяжело, и дышалось тяжело, до звона в ушах.

Подъем внезапно кончился, они оказались в коротком горизонтальном коридоре, в конце которого был виден слабый свет, и в этом свете — две доски, крест-накрест перекрывающие выход. А потом раздался тот же шум, уже точно — идущего поезда, и этот поезд промчался перед ними: огни, люди в вагонах.

— Что это?! — спросил Олег Петрович.

— Может, восстановили уже? — неуверенно сказал Павел.

— Да не может быть! А ну, давай туда, разберемся!

Отрезок коридора они проскочили почти бегом. Отбросили доски...

— Налево! — скомандовал Павел: он знал, куда идти.

— Пашка, вот с этой шиной осторожно! Под напряжением!

Платформа была в какой-то сотне метров. По железной лесенке они взлетели на платформу — Павел, вопреки обещанию, бежал первым, — и тут вдруг Олег Петрович осел на ступеньку, сказал: «Погоди, Пашка...» — и потерял сознание. Павел тоже едва держался на ногах — он считал, что их вымотал переход. Впереди светилась чуть приоткрытая дверь служебного помещения, и он бросился туда. Распахнул дверь, увидел двух человек в форме метрополитена.

— Помогите! Олегу Петровичу плохо... — И сам по дверному косяку сполз на пол.

— **М**ихаил Иванович! Ну сколько еще?! Анализы эти... Мы ж здоровые!

Человек в белом халате накануне представился Михаилом Ивановичем (точно так же, как звали покойного Канцлера), но кто он такой — не сказал. Павел подозревал, что психиатр, а им не говорит, чтобы не волновать.

— Потерпите ради науки. Полгода в бункере, еще и без подготовки — уникальный эксперимент. Впрочем, можно вас и выписать, под обязательство приходите по вызову для обследований. Согласны?

Олег Петрович и Павел, чтобы выйти из больницы, были согласны на все.

— Так вот, — продолжал человек в белом халате, — вам слово «пранкеры» что-нибудь говорит?

Павлу говорило. Олег Петрович слышал, но не знал, что это такое.

— Шутники, только технически продвинутые. Устраивают более или менее глупые розыгрыши с помощью телефона, Интернета. А здесь собрались трое ребят — прямо скажу, талантливые. Один — видеорежиссер, аниматор, словом, художник. Он и сделал все видео, начиная с новостей. С фермеров. И видео с телебашни — тоже он. А еще двое — хакеры. Влезть в закрытые линии связи им, конечно, не по зубам, но на сервер, где правительство подключается к Интернету, сумели. И на сервер телецентра...

— А что там про фермеров? — спросил Павел. Он не видел этого сюжета в новостях.

— Ну, будто бы на Юге поднялись фермеры. Навесили на свою технику бронеплит, оружие, какое нашлось, вплоть до базуки, и двинулись маршем на столицу. Полиция разбегается, армия вообще частью присоединяется... Сейчас появилась манера делать к новостям музыкальный фон, так эти фоном пустили «Гренаду»: «Я хату покинул, пошел воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» И тут — бац! — новости срочно прерываются сообщением израильского информационного агентства: гренландский военный спутник засек пуск ракет в США. Наша система оповещения, естественно, молчит: не было ж никакого пуска, — но руководство не стало выяснять, тратить время. Бросили все, объявили тревогу и зарылись под землю. «Гренада» их, похоже, морально подготовила. А уже под землей приходит видео взрыва над городом — его-то полстраны смотрели. Кое-где даже поверили... Художник, как узнал, что они наделали, сам прибежал каяться. Он, кстати, специально в сюжете оставил ляпы, чтоб видно было, что розыгрыш. Во-первых, фермерскую технику срисовал с какого-то комикса про восстание роботов...

— Вот и я подумал: где они такие комбайны взяли? — вставил Олег Петрович.

— ...Во-вторых, гренландский военный спутник — ясно же, полная чушь. Ну и видео с телебашни — там ракурс другой, камера не на той высоте. Но это уже для тех, кто понимает.

— А те двое, хакеры? — спросил Павел.

— А те смылись, их найти не могут. Художник за всех отдувается. Был суд, впяли тринадцать лет — выше максимума по статье. Дело-то серьезное.

— Кончилось же хорошо!

— Хорошо. Могло быть гораздо хуже. Руководство страны в полном составе в бункере, связи с ними нет — это еще полбеды. Могли ведь скоординировать ответный удар. Слава богу, почему-то не скоординировали.

— Как это? — удивился Олег Петрович. — Скоординировали, я помню. Только команда не прошла. Они долго спорили, отвечать или не отвечать, потом решили ответить, а подтверждения нет. Ну и подумали, что, пока спорили, те уже все разбомбили. Тогда вырубил связь — для экономии, сеть-то уже от реактора работала, — и сидели так, пока регенераторы не стали дохнуть.

Павел негромко хмыкнул:

— Отвечать-то надо сразу, а потом уже под землю.

Увидев осуждающие взгляды собеседников, он смущенно добавил:

— Нет, ну ясно — хорошо кончилось, и для человечества тоже. Но просто, по логике...

— Ты, Павел, молодой, для тебя оно просто, — сказал шофер. — А эти уже пожилые, кой-чего нажили, и лучшее из нажитого у них — там. И вообще — тут у них служба, тут они ляжку тянут, а душой отдохнуть едут туда. И все это разом перечеркнуть? Неизвестно же, почему те начали — вот так, на ровном месте. Может, у них просто компьютер сбрендил. Ну, извиняется: мол, простите, спалили вам полстраны ненароком, больше не повторится. Компенсируют где деньгами, где льготами — нашим-то все сгодится; и можно дальше жить, как жили. А ответишь ракетами — уже обратного хода не дашь.

— Говорите, не прошла команда? Очень странно, — сказал Михаил Иванович таким тоном, что Павел подумал: похоже, в нашей стране психиатр — больше, чем психиатр.

— Художника-то зря так, — сказал Павел. — Что, ему теперь и сидеть весь срок?

— Художника, скорее всего, помилуют через годик, разберутся только, кто должен принять решение о помиловании.

— Как — кто должен? — снова удивился Олег Петрович. — Канцлер должен.

Михаил Иванович внимательно посмотрел на них и сказал:

— В стране кое-что изменилось за это время. Когда руководство в полном составе ушло под землю и не отвечает на попытки связаться, текущие вопросы как-то же надо решать. А на нижнем уровне ничего не решается. Система так выстроена: любое решение, принятое внизу, наверху может быть пересмотрено; и пересматривается, причем чаще всего просто затем, чтоб показать, кто здесь главный... А депутаты нижней палаты сильно обиделись, что все бросились спасаться, а их забыли. Кстати, и губернаторов тоже. В общем, собрались, проголосовали, изменили Конституцию. Должность Канцлера упразднили, решили, что негоже,

когда все завязано на одного человека с полномочиями абсолютного монарха. В стране теперь парламентская республика. Состав правительства, естественно, тоже полностью сменился. Заодно и верхнюю палату упразднили. Те пытались противиться, но половина под землей — кворума-то нет...

Сидящих в бункере надо было спасать. Ход, по которому прошли разведчики, завален, зато все выходы: и главный, и запасные — свободны. Надо было только сообщить это тем, кто внизу, и очень кстати, что снова появилась связь. Говорить с сидельцами поручили командующему войсками округа, которого военный министр мог бы опознать по голосу.

После военного министра трубку внизу взял главный жандарм и потребовал к аппарату кого-нибудь из своих людей. Он по-прежнему никому не верил.

— Слушаю, — сказал Олег Петрович. Канцлерского шофера жандарм тоже узнал по голосу.

— Вы им говорили, что Михаил Иванович?.. — Жандарм замолчал, не решаясь сказать «умер»: он боялся, что телефон прослушивают.

— Нет. О нем вообще речи не...

— И не надо, — быстро сказал жандарм.

А потом наверху взял трубку врач МЧС:

— Вам сразу выходить нельзя, от резкой смены атмосферы потеряете сознание, как вот с вашими людьми случилось... Не только из-за кислорода, углекислого газа тоже. Вы сейчас постепенно подключайте забор наружного воздуха, а регенераторы выводите из работы. За пару суток полностью обновите атмосферу, тогда можно наружу.

Ну, хорошо, — сказал жандарм. — Допустим, они ракет не запускали. Но наша-то команда почему не прошла?!

— Повезло, однако, — флегматично заметил военный министр.

— Ой, не люблю я неконтролируемую везуху... Аппаратуру связи давно обновляли?

— До меня еще. Лет пять назад монтировали, нового поколения.

— Бери этого... инженера, и пошли в аппаратную!

Майор Стрельцов набрал код на кодовом замке, Малышев повернул массивный ключ замка обычного и с усилием оттянул тяжелую дверь. Щелкнул выключатель, и перед ними предстали четыре металлических каркаса приборных стоек с крепежными шпильками внутри. И ни одного электронного блока, только пучок кабелей с разъемами на концах свисал из отверстия в стене.

— А где аппаратура? — обалдело спросил жандарм. Резко обернулся к военному министру, схватил его за грудки: — Что за бардак у тебя в хозяйстве?! Где аппаратура?!

— Спокойно, генерал! — Министр перехватил жандарма за запястья. Майор индифферентно молчал,

ему было не по чину вступать в разборки генералов. Гражданский инженер Малышев имел свои понятия о субординации. Он шагнул к стойкам, провел пальцем по резьбе шпильки, потом обернулся к остальным и сказал:

— Аппаратуры здесь и не было. Вот, консервирующая смазка не убрана. И заглушки на разъемах заводские. Спрашивать надо не «где аппаратура», а «где деньги», на которые ее как бы закупили. В отчетах-то, наверное, все в порядке?

— Пусти, — устало сказал жандарм военному министру, и они отпустили друг друга. — Майор, арестуйте этого. — Он мотнул головой в сторону Малышева.

Наверху не знали, что Канцлер умер, и в бункере после короткого обсуждения решили об этом не сообщать, предъявив стране двойника. Штатные, специально подготовленные двойники остались снаружи, никто не собирался их спасать (кому они нужны после конца света?), и пришлось работать с материалом, какой был под руками.

Популярный телеведущий Дмитрий Овсягов, узнав о роли, которую ему предстоит сыграть («Царем будешь!» — сказал военный министр, хлопнув по плечу), потребовал в качестве бонуса вдову.

— Ну, это уж ты, дружок, сам договоришься, — ответил ему жандарм, осторожно трогая распухшее ухо. Вдова, похоже, целила по щеке...

— Идиот! — проворчал военный министр. — Выйдем наружу — все бабы в стране твои будут!

Грим, при уже имевшемся сходстве, требовался минимальный. Опасались, что подмену распознают по росту или голосу. Но Овсягов уверял, что с голосом все будет в лучшем виде: он в молодости пытался делать карьеру музыкального пародиста, и голоса имитировать получалось, вот только слух подвел. А насчет роста — Канцлер полгода не появлялся на людях; авось никто не заметит, что он подрос сантиметров на десять.

Выход сидельцев на свет старались не афишировать, но шила в мешке не утаишь, в наше время тем более. Ближе к назначенному сроку у главного выхода собралась толпа, меньшей частью из родственников, большей — из остальных, от журналистов до просто любопытных. Толпу осаживала полиция, уговаривая не толпиться, но не слишком настойчиво: полицейским самим было любопытно.

Медленно сдвинулась тяжелая железная дверь, и первое, что явилось миру из бункера, — это был запах. Бункер вентилировали двое суток, выдули, наверное, всю вонь, и напоследок кто-то предложил откачать фекальную емкость, раз уж есть куда и не надо думать об экономии энергии. Включили фекальный насос. Минут пятнадцать он работал, натужно воя, жижа в емкости пришла в движение, и запах снова пополз по бункеру. Но уровень не понижался. Тогда в насосную послали арестованного инженера. В сопровождении, для надежности, аж двух конвоиров, потому что в умелых руках и разводной ключ — оружие.

Малышев осмотрел насос и трубы, вернулся и доложил, что насос в порядке, а канализационный коллектор отсутствует.

— Это как?

— А так! Нет его. И тоннеля, в котором он должен быть, тоже нет. Труба заглушена, насос качает на заглушку. Хорошо — центробежный, другой бы давно сгорел.

Строители бункера посылали своим потомкам привет из далеких семидесятых. Сдав объект, как водится, с недоделками, они затем и не подумали их устранять, потому что не предполагали, что это кому-то понадобится. Или наоборот: понимая, что в случае чего о них не позаботится никто, любимых руководителей предоставили их судьбе — задохнуться в собственном дерьме.

Каковы бы ни были мысли строителей, этот привет директор жандармского департамента добавил в счет, который собирался предъявить инженеру Малышеву, когда они выйдут наружу. В счете уже стояли пропущенный на охраняемый объект сын, показанные сыну секретные документы и пропавшая аппаратура, которая должна была обеспечить передачу команды на ответный удар.

Дверь еще приоткрылась, и из темноты, в сопровождении остатков запаха, двух бойцов охраны и супруги, шагнул на свет тот, кого Павел с Олегом Петровичем меньше всего ожидали увидеть, — Канцлер.

— О Господи! — воскликнула стоящая рядом Леськина мама. — Ты же говорил, что он умер!

— Кто умер? — быстро обернулся к ним психиатр Михаил Иванович.

— Канцлер, — сказал Олег Петрович.

— Дорогие соотечественники, я рад снова быть с вами! — произнес Канцлер, приветствуя зрителей жестом, хорошо знакомым старшему поколению. В ответ раздались хлопки, сначала довольно жидкие, потом сильнее, хотя до овации им было далеко. А Олега Петровича жест Канцлера убедил окончательно.

— Подделка! — решительно заявил он. — Точно, фальшивый. И наш плюгавее был.

За аплодисментами эту реплику никто не услышал, кроме психиатра, который шагнул вперед и очень внимательно посмотрел на Канцлера.

— Теперь, — продолжил тот, — когда выяснилось, что все мы стали объектами, прямо скажем, дурацкой шутки...

— Дмитрий Эрастович, — прервал его психиатр, — будет вам. Здесь нет телекамер. Проходите, не задерживайте, дайте людям выйти.

Сконфуженный Овсягов замолчал и, не пытаясь больше казаться ниже ростом, чем есть на самом деле, отошел в сторону. Супруга сделала вид, что она вообще ни при чем.

Две толпы смешались у выхода: выходящие из бункера и встречающие. Павел пробирался против потока, высматривая враз и отца, и Лесю. Они вклинились в толпу вдвоем с матерью, потом потеряли друг друга. Леськины родители и десятилетняя сестра Марина остались снаружи, за оцеплением.

Леськину мать и младшую сестру Павел впервые увидел на второй день в больнице, когда те пришли к Олегу

Петровичу. Тот представил Павла как будущего зятя, Маринка после этого смотрела на него со смущенным любопытством, а Павел подумал, что десять лет ей на вид не дашь. Впрочем, он судил по себе и своей родне, которая вся, как на подбор, была рослая...

— Пашка! — Леська нашла его первая. Бросилась на шею, он обнял ее, и тут они услышали: «Леська! Лесь-ка!!!»

Оба обернулись на крик и увидели, как у цепочки полицейских, которые уже никого не осаживают и не оцепляют, прыгает Маринка, машет правой рукой над головой, а левой держится за руку мамы.

— Пашка, идем! — Леська оторвалась от Павла, потянула его за руку.

— Сначала отца найду.

Леська отпустила Пашкину руку и нырнула в толпу, пробираясь к своим. А Павел обернулся к выходу из бункера, где народа осталось уже немного, и тут увидел отца. В наручниках, под конвоем старшины из охранного батальона.

— Папа!..

— Проходи, не положено! — сказал старшина и сделал автоматом жест, который должен был выглядеть грозно. И он, и Павел чувствовали нелепость ситуации. В бункере все друг друга знали если не по именам, то хотя бы в лицо. А старшина вообще был тот же, что учил Павла обращаться с противогазом, когда их готовили к выходу на поверхность.

— В чем дело? Кто распорядился? — раздался голос психиатра.

— Я, — ответил возникший рядом с ними глава жандармского ведомства.

— На каком основании?

— Обвиняется в государственной измене, расхищении техники и саботаже. Есть постановление об аресте.

— Кем и когда оно выдано?

— Мной, позавчера.

— В стране нет чрезвычайного положения, такие постановления может выдавать только суд, — сказал Михаил Иванович. — А ваши полномочия вообще прекращены полгода назад. Майор, будьте любезны.

Стрельцов как будто уже стоял наготове с ключиком. Аккуратным движением он освободил отцу руки. Тот потер запястья, и тут к ним через толпу пробилась мать, и Павел подумал: «Хорошо, что она не видела отца в наручниках!».

— Александр Феликсович, вы уж, пожалуйста, не уклоняйтесь от медицинских процедур! — Павел обернулся на голос и увидел, что психиатр Михаил Иванович уговаривает бывшего главного жандарма. — Вам всем сейчас действительно необходимо.

Жандарм стоял перед Михаилом Ивановичем с видом школьника, набедакурившего и пойманного, и Павел подумал: похоже, в самом деле психиатр в России — больше, чем психиатр. Он не знал, надо ли этому радоваться или наоборот, и не хотел сейчас грузить себя всякими проклятыми вопросами, поэтому обернулся к родителям и сказал:

— Мама! Папа! Идемте уже к Леськиным.